

Пролог

Эта сказка про обыкновенного мальчика, такого же, как ты.

Звали его Васей Сомовым. Учился Вася во втором «А» классе и, как все второклассники, был октябрёнком. У него была обыкновенная стриженная голова со светлой челкой. Обыкновенные серые глаза. Обыкновенный нос. А на носу обыкновенные веснушки. В общем, если перемешать Васю Сомова с другими мальчишками, его и не отыщешь: все стриженные, все с чёлками, у всех веснушки.

Так почему же я хочу рассказать именно про Васю?

А потому, что с ним приключились удивительные приключения.

Нашему Васе случайно попала в руки волшебная монета. Да-да, волшебная. Я знаю абсолютно точно, что один раз в сто лет такая монета чеканится. Её не отличишь от других. Но если с ней проделать то, что проделать полагается, - начинается волшебство.

Впрочем, не будем забегать вперёд. Ведь ни одна сказка не начиналась с середины или с конца. У каждой есть своё начало.

Глава первая. Ещё ничего такого не происходит, только Вася находит кругляшок

Жил да был октябрёнок Вася Сомов.

Это ты уже знаешь. А вот где он жил да был?

Есть на окраине города деревня. Автово. Это только так говорится: деревня. По привычке. А на самом деле Автово - целый город.

Улицы прямые. Дома высокие. А дворы - просто загляденье, сады. Хочешь на турнике подтянуться - пожалуйста. Хочешь хорошую книжку почитать - сядь на скамейку в тени, читай.

Однажды весенним вечером играл Вася во дворе с ребятами в прятки. Спрятался в дальнем углу за водосточной трубой и стал ждать.

Вдруг над самой головой что-то зашуршало, заскреблось о железный подоконник.

Глянул Вася вверх - на карнизе сидит старая седая ворона. Склонила голову набок и глядит на Васю.

Всех ворон, каких мне в жизни доводилось видеть, звали Яшками. И эту звали Яшкой. Была она очень умная. Только что говорить не умела. А жила в школьном живом уголке и летала куда хотела.

- Яшка, - сказал Вася шёпотом. - Убирайся. А то меня найдут. Мне водить придётся.

Ворона сердито постучала клювом по железу и, захлопав крыльями, улетела.

Вася вздохнул и от нечего делать взглянул себе под ноги.

В трещине асфальта зеленел какой-то кругляшок.

Вася готов был дать самое честное октябрятское слово, что здесь никогда раньше не было трещины, не впервой он за этой трубой прячется. А уж кругляшок и подавно сразу заметил бы.

Вася очень удивился, присел на корточки и только протянул руку, чтобы

взять кругляшок, как тот уж оказался в его ладони. Словно бы ждал Васю и сам прыгнул.

Вася и про игру забыл. Стал находку рассматривать. Но тут в окно выглянула Васина бабушка и позвала ужинать.

Вася сунул кругляшок в карман и побежал домой, крикнув, как полагается:

- Чур, не играю!

А кругляшок так и остался лежать в кармане рядом с металлическими шариками от подшипника.

Глава вторая. Появляется двуглавый орёл, и капают пустые слёзы

На другое утро Васю разбудило солнышко. Оно забралось в окно и стало считать веснушки на Васином носу.

Папа и мама уже ушли на работу.

Бабушка хлопотала на кухне. Варила манную кашу.

Вася быстро надел брюки, вельветовую курточку, ботинки и попробовал было потихоньку ускользнуть и от бабушки и от манной каши во двор - погулять. Но бабушка заметила его.

- Встал уже? - спросила она, не поворачивая головы.

Надо же! Без очков ни одной буквы в газете не разберёт, а всё видит!

- Ну, встал.

- А встал, так иди умойся.

Вася потоптался немного, потому что умываться не очень-то любил. Потом медленно побрёл в ванную. Там он вспомнил про вчерашнюю находку.

Кругляшок был тяжёленьким, шершавым и позеленевшим.

Вася сунул его в струю воды - отмыть. Брызги полетели во все стороны.

- Не балуй с водой! - сердито сказала бабушка на кухне.

«И всё-то она слышит», - вздохнул Вася и стал умываться.

На кухне он покосился на манную кашу, которую не любил ещё больше, чем умывание, и протянул бабушке кругляшок.

- Во я какую штучку вчера нашёл.

- Ешь кашу. Ешь, ешь. А пока ты ешь, я твою штучку погляжу, - сказала бабушка, взяла у Васи кругляшок и водворила на нос очки.

- Эге... Царский пяточок. Монетка.

- А почему она зелёная?

- А ты ешь, ешь... Это время на неё свои следы наложило. День за днём, год за годом, - тихо, немного нараспев сказала бабушка и вздохнула. - Вот она от времени и позеленела. Человек седеет. Медная монета зеленеет. Вот видишь,

Васенька, на этой стороне царский герб - орёл с двумя головами.

- Не вижу, - сказал Вася.

- Ну, правильно. Я этого орла угадываю. Потому что в детстве такие монеты в руках держала. А на твоём пятаке время всё закрыло. Год за годом, день за днём. Человек морщинуется, медная монета стирается, - снова вздохнула бабушка. - А ты ешь, ешь.

Вася, сам того не замечая, съел всю кашу.

- А теперь - делать уроки, - сказала бабушка и вернула Васе монету.

- А гулять?

- Потом и гулять пойдёшь.

Вася нехотя побрёл в комнату. Там он высунулся в окно. Во дворе ребята играли в пятнашки.

«И что я за несчастный человек! Гулять - не пускают. Умываться - заставляют. Манную кашу - подсовывают».

Васе стало жалко себя. И сами собой из глаз его выкатились слёзы. Не солёные, не горькие, а пустые.

Одна слеза, самая крупная и самая пустая, сбежала по щеке и упала на старый пяточок.

Шлёп!

И Васе вдруг показалось, что заплесневелый, потёртый орёл вздрогнул.

Не успел Вася удивиться, как по щеке сбежала другая точно такая же слеза и - шлёп! - тоже упала на монету.

Монета стала быстро светлеть.

Слёзы на Васиных глазах сразу же высохли. Пустые слёзы быстро сохнут.

А монета совсем посветлела, сверкнула, словно молния.

У Васи закружилась голова. Он закрыл глаза ладонью и, чтобы не упасть, прислонился к подоконнику.

Глава третья. Вася знакомится с Минькой и выясняет, куда он попал

Когда Вася открыл глаза, он увидел перед собой не окно, а поленницу дров. Откуда она взялась?

Вася потрогал дрова. Они были мокрыми. Вася поднял голову, чтобы взглянуть на потолок. Потолка не было! А было серое небо, и моросил дождик.

Вася тряхнул головой. Сейчас всё исчезнет и он снова окажется дома, в комнате, возле окна.

Открыл глаза - небо и дождик остались. А вот комнаты не было. И дома не было. И двора.

Вася испугался. Куда же он попал? И как попал? Ведь он никуда из дому не уходил, бабушка не пустила.

В ладони зажато что-то твёрдое. Вася разжал пальцы. Монета. Блестящая, новенькая, с чётким двуглавым орлом.

Неподалёку скатилось полено. Вася вздрогнул. Огляделся. На соседней поленнице животом вниз лежал незнакомый мальчишка в странной высокой кепке со сломанным козырьком.

С минуту мальчишки смотрели друг на друга, не скрывая любопытства.

- Эй, мальчик, - окликнул его Вася, но мальчишка быстро, как ящерка, исчез за поленницей.

Стало тихо. Только дождь накрапывал.

- Эй, мальчик, - повторил Вася, обращаясь к опустевшей поленнице. - Выходи, не бойся... Мальчик...

Над поленницей снова появилась кепка.

- Мальчик! - обрадовался Вася. - Ты не исчезай, пожалуйста. Скажи, где я? Понимаешь, ерунда какая-то! Вдруг дождик... Тебя как зовут?

- Минька, - голос у мальчишки был сиплый, простуженный.

- А меня - Вася. Слушай, Минька, а как я сюда попал?

Минька посопел:

- Пришёл, видать.

- Что ж, я с закрытыми глазами шёл? Как лунатик какой?

- Чево?

- «Чево, чево...» - передразнил Вася. - Чего это у тебя на голове?

- Картуз.

- Картуз? - удивился Вася. Оглянулся и спросил: - А как это место называется?

- Автово, деревня.

- Автово?! - воскликнул Вася и рассердился: - Да ты бывал когда в Автове? Там домища - во! В десять этажей! А дворы! Как сады. Болтун ты! Говори, как это место называется? А не то!.. - Вася грозно сжал кулаки.

Минька тотчас исчез за поленницей.

Вася испугался, что останется один в незнакомом месте.

- Минька! Я пошутил! Минька! Ты только скажи, как это место называется?

- Автово, - глухо раздалось из-за поленницы.

«Может, я уснул после каши? Может, сон снится?» Вася ущипнул себя. Больно! А если бы только приснилось, что ущипнул, больно бы не было.

- Слушай, Минька, а город в этой деревне твоей есть?

Минька снова выглянул из-за поленницы.

- Есть...

- Ну и как же он называется?

- Санкт-Петербург.

- Чего-чего?

- Санкт-Петербург, говорю... «Знакомое, вроде, название, - подумал Вася. - Знакомое...» И тут же вспомнил: бабушка говорила, что так назывался Ленинград давно, ещё при царе. Да что этот Минька, издевается, что ли?

- А страна какая? - насмешливо спросил Вася.

- Чево?

- Страна, спрашиваю, какая? Ну, как называется?

- Российская империя. Россия, значит. «Чудной какой-то мальчишка, - подумал Вася. - Мелет ерунду, а лицо серьёзное», - Минька, слезай ко мне. Поговорим.

Минька не двинулся.

- Да ты не бойся. Я тебя не трону. Я вообще никогда не дерусь.

- Ну да... - с сомнением выдохнул Минька.

- Честное октябрятское!

- Чево?

- Честное октябрятское, говорю.

- Побожись.

- Это как?

- Божиться не знаешь? - удивился Минька и сел на поленнице, свесив ноги.

Тут только Вася заметил, что Минька босой и штаны на нём широченные, грубо обрезанные внизу. И синяя сатиновая рубашка тоже широченная, висит на плечах, и поэтому рукава начинаются где-то возле локтей.

Вася невольно посмотрел на свою курточку, на ботинки.

И Минька рассматривал его, как диковинку.

- Ты где живёшь? - спросил Вася.

- Да здесь, в Автове ж! Вася снова усмехнулся.

- А в каком доме?

- Эвон он, - Минька махнул рукой куда-то за спину.

- И не врешь?

- Святой истинный крест, - сказал Минька и быстро перекрестился.

Вася только в кино видел, как крестятся, поэтому очень удивился. И тут же решил, что Минька тоже видел в кино, как крестятся, вот и пускает пыль в глаза.

Вася влез на поленницу и увидел ряд серых деревянных домиков с кирпичными трубами. Дым прибывало дождём к мокрой земле, к покосившимся заборам. У заборов зеленела молодая травка.

- Это Автово, - пояснил Минька.

У Васи вдруг томительно сжалось сердце. И бабушка рассказывала, что Автово именно таким было раньше - маленькой грязной деревушкой с тёмными заборами и деревянными домами. Но ведь всё это было очень давно. Ещё при царе!

И неожиданно Васе в голову пришла странная и страшная мысль. Уж не попал ли он каким-нибудь чудом в прошлое, царское время?

- Минька... Слушай, Минька, - сказал Вася чуть заикаясь, - а кто... сейчас Председатель Президиума Верховного Совета?

Минька вытаращил глаза. Он явно не понял вопроса.

- Ну, кто страной управляет? Минька испуганно отпрянул и сказал почти шёпотом:

- Известно, царь.

- Царь? - повторил Вася упавшим голосом и посмотрел на пятак, который всё время был зажат в ладони. Потом протянул его Миньке.

- Пятак! - обрадовался Минька. - Новенький!

- Не новенький, - жалобно произнёс Вася, но объяснять ничего не стал. Да и как объяснить, когда сам ещё не очень-то понял, что произошло?

- Минька, а какой сегодня день? - спросил Вася, всё ещё на что-то надеясь.

- Вторник.

- Да я не про то. Год какой?

- Год? Одна тысяча девятьсот седьмой.

- Просто седьмой?

- Одна тысяча девятьсот седьмой, - повторил Минька.

Вася посмотрел на пятак. Под большой цифрой «5» было выбито маленькое «1907».

Значит, с ним, с Васей, произошло невероятное! Каким-то чудом он попал в прошлое. А ещё говорят - волшебства не бывает!

Вася снова взглянул на монету, и ему показалось, что головы орла щёлкнули клювами.

Вася даже зажмурился. И тут подумал о папе, о маме. Вспомнил бабушку.

Школу. Товарищей. Вспомнил своё прекрасное Автово - то, настоящее, которое было. Или будет?

Защекотало в носу, и Вася отвернулся, чтобы Минька не видел навернувшиеся на глаза слёзы.

Глава четвёртая. Головы орла пробалтываются

Минька, Ми-инька... - раздался за поленницами женский голос.

- Мамка кличет, - вздохнул Минька и спросил: - Не уйдёшь?

«Куда ж я пойду?» - подумал Вася.

- Нет. Посижу тут.

- Посиди, - обрадовался Минька. - Я - мигом!

Минька убежал.

Вася присел на корточки и стал думать-гадать, как же теперь быть? Что делать?

Долго думал, даже глаза от напряжения закрылись, и он вроде бы задремал.

И тут Васе почудилось, будто у него в кулаке, где монета зажата, кто-то скребётся. Вроде жуков. Прижал Вася кулак к уху: хрруп, хрруп... И вроде бы голоса слышны. Один - хриплый, другой - сиплый.

- Э-ге-ге, сестрица, - произнёс хриплый голос. - Клянусь медью, из которой мы сделаны, нам везёт! Шестьдесят лет мы искали мальчишку с пустыми слезами. И нашли!

- Так-то оно так, - откликнулся сиплый. - Да только не совсем. Он капнул на нас всего две слезы. А надо - три. Только тогда мы останемся здесь, в нашем времени, навсегда.

- Он капнет, он капнет, капнул две - капнет и третью.

- Так-то оно так, да не совсем. А вдруг не заплачет?

- Заплачет! - уверенно сказал хриплый.

- Так-то оно так... А вдруг на нас слеза не капнет?

- Капнет!

- Так-то оно так... - протянул неуверенно сиплый. - А если он нас...

- Тс-с-с... Молчи, сестрица! Он никогда сам не догадается. И никто не научит, потому что никто про это не знает.

- Так-то оно так, да не совсем... Ворона знает.

- Ту ворону давно кошки съели! Солнце кости в пыль превратило, ветер перья по миру разметал! Шестьдесят лет прошло!

- Так-то оно так. Да не совсем. А вдруг та ворона жива?

- Всё равно она по-человечьи не говорит, а мальчишка по-вороньему не понимает! Хе-хе-хе! Клянусь медью, из которой мы сделаны, капнет на нас третья слеза!

- Так-то оно так... - прохрипел второй голос. - А вдруг мальчишка нас перехитрит?

- Никогда! У него одна голова, а у нас - две! Он всего-навсего обыкновенный мальчишка, а мы - головы Орла Российской империи!

- Так-то оно так... Но он ведь тоже не простой... Какой-то ок... ок... октябрёнок!

- Ерунда! Наши самые старшие сестры сидят на спинке царского трона и нашёптывают царю царские мысли! А где его старшие сестры? Мальчишка капнет на нас третью слезу и останется вместе с нами в нашем времени! Клянусь медью, из которой мы сделаны.

Вася осторожноенько раздвинул пальцы, чтобы посмотреть, кто это разговаривает.

На монете головы орла были друг к другу повёрнуты. Но как только на них упал луч света, быстро отвернулись друг от друга и замерли, как ни в чём не бывало.

Вот оно что! «Клянусь медью, из которой мы сделаны...» Значит, разговаривали головы орла на монете!

Васе даже жутко стало. Вот он сидит здесь один, а кругом только мокрые дрова. И дом, в котором он живёт, ещё не построен. И школы, в которой учится, ещё нет. И никто из его друзей ещё не родился. И, наверно, где-нибудь живёт маленькая девочка, которая через шестьдесят лет будет его бабушкой... Через шестьдесят лет!

И орёл на монете ждёт, чтобы на него капнула третья слеза. Тогда и он,

Вася, останется в этом времени навсегда!

Лучше бросить, бросить эту проклятую монету! Зашвырнуть её подальше - и дело с концом!

Вася изо всей силы швырнул монету. Она блеснула над дровами и исчезла за поленницей.

И только тогда Вася подумал: а как же он вернётся обратно в свой 1967 год? Может быть, и вернуться можно только с помощью монеты, из-за которой он попал в прошлое?

У Васи похолодело сердце.

Найти! Отыскать монету!

Он перебрался через поленницу и, ползая на коленях, стал искать монету. Долго искал. Монета не находилась.

Отчаявшись, Вася снова влез на поленницу. И в это мгновение увидел Миньку.

Тот вышел из калитки с куском хлеба в руках и уселся на лавочке возле дома. В Васину сторону даже не посмотрел.

«Что ж это он? Обещал скоро вернуться, а сам...»

Вася окликнул Миньку.

Минька увидел его и сперва очень удивился, а потом заулыбался.

- Во, понимаешь, забыл про тебя! Совсем. Будто тебя и не было. Вот ведь!
- он покачал головой и снова посмотрел на Васю. - Чудно!

А ведь в том, что Минька забыл про Васю, ничего удивительного не было. Вася был из будущего, а помнить можно только прошлое.

Минька поделился с Васей хлебом, и они уселись на дровах.

Глава пятая. Минька с трудом верит Васе, а Ворона открывает тайну двуглавого орла

Ты чего такой грустный? - спросил Минька.

- Пятачок обронил... Бросил... Вон там...

- Жаль пяточка! - сказал Минька. Вася только вздохнул и отвернулся.

- Давай вместе поищем, - предложил Минька.

Они стали искать вдвоём. Но так ничего и не нашли.

- Ладно, - сказал Минька, стараясь подбодрить вконец огорчённого Васю. - Подумаешь, пяточок! Вот если бы двугривенный затерялся или полтинник!

- Эх, Минька! Если бы он был простым пяточком! А то ведь он-волшебный! - Вася впервые произнёс это слово вслух, и оно прозвучало необычно таинственно. - Может, мне без этого пяточка и домой не попасть.

Услышав про то, что пяточок волшебный, Минька только усмехнулся. Не очень-то он верил в волшебство, ничего волшебного в его жизни не происходило.

- Не веришь, - вздохнул Вася. - Я и сам не поверил бы, если бы мне рассказали. Ну вот скажи, в каком году я родился?

Минька задумчиво пошевелил губами, потом ответил:

- В одна тысяча девяносто восьмом или в девяносто девятом.

- Э-хе-хе, - вздохнул Вася, точь-в-точь как вздыхала бабушка, вспоминая свои молодые годы. - То-то и оно, что родился я в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году.

Минька снова пошевелил губами, что-то подсчитывая, и сказал:

- Ври, да не завирайся. Выходит, ты ещё не родился.

- Так и выходит, - вздохнул Вася и стал рассказывать Миньке о том, как нашёл монету с двуглавым орлом, как жил до этой проклятой находки. И какой у них большой дом, и какая добрая у него бабушка, которая варит самую вкусную на свете манную кашу! Словом, всё-всё про свою прошлую жизнь в буду-

щем.

Минькин рот не закрывался от удивления, словно он не переставая ахал: «Ах, ах, ах...» «Верить или не верить? Дома здесь большие стоять будут, - Минька огляделся по сторонам. - А что? Если построить, будут стоять. И сады посадить - цвести будут. Только чудно всё-таки, как же так: ни бедных, ни богатых - все равны. У одного полтинник - так всем полтинники дадут? Или тот полтинник на всех разделят?.. Чудно!.. Вот оно какое волшебство бывает!.. Пропала Васина монета. Жаль. Может, и он, Минька, при той монете заглянул бы в то Автово, про которое Вася рассказывал? Может, и с ним что волшебное случилось бы?» Миньке стало жалко Васю.

- Ты посиди, - сказал он тихо. - Я тебе ещё хлеба принесу.

И только он скрылся, над Васей зашуршали крылья - и на поленницу села седая ворона. Точь-в-точь Яшка. В клюве она держала новенькую монету.

Вася даже не удивился. Уж попал в сказку, так держись!

- Мой пяточок? - обрадовался он. Ворона кивнула, пяточок упал и по щечкам подкатился к самым Васиным ногам.

- Спасибо, ворона. Очень ты похожа на Яшку. - Вася вспомнил, что и головы орла говорили о какой-то вороне, вздохнул и сказал: - Жаль, что ты по-человечьи не умеешь говорить.

- Кар-р-р... Крра... - сказала Ворона.

- И я по-вороньему не умею.

Ворона спрыгнула, расчистила лапками клочок земли и, водя по ней чёрным блестящим клювом, аккуратным ученическим почерком, как первоклассник, вывела:

Пополам раз...

Но тут над поленницей показался Минька, и ворона, не успев дописать слово, хлопнула крыльями и взлетела.

Минька протянул Васе кусок хлеба.

Стал Вася хлеб жевать и думать, что же означает это «пополам раз»?

И Минька увидел написанное.

- Чего это?

- Угадай.

- По-по-лам раз... раз... разделить!

Вася подумал. Нет. Делить нечего.

- Раз... раздобыть!

Вася помотал головой.

- Тогда это... разбить.

- Разломить! Вот это что! - сообразил Вася.

- Чего разломить?

- Монету разломить пополам. Орла!

- Зачем?

Вася не ответил. Достал монету из кармана.

- Вот те на! - сказал Минька с обидой. - А притворялся, переживал.

- Так я ж и вправду переживал. Честное октябрятское. Мне только сейчас её ворона принесла.

- Ворона? - удивился Минька.

- А чего тут удивляться, - вздохнул Вася, - когда я сам сюда из будущего попал. Минька, как бы монету пополам разломить?

- И что тогда?

- Тогда я, наверно, домой попаду. Вася ухватил монету пальцами, надавил, закричал. Пальцы побелели от натуги. А монета какой была, такой и осталась.

- Не выйдет, - сказал Минька, - тут силища знаешь какая нужна!

Вася утёр пот со лба.

- Где ж я её возьму, силищу?

- Постой! Я одного знаю! У них мамка бельё стирает. Здоровенный, как бык! Купеческий сын. За один присест на спор целую свинью съедает, с костями вместе. И чаю трёхведёрный самовар выпивает на закуску. Он разломить сможет. Если захочет. Аида!

Глава шестая. Купеческий сын мало каши ел

Идти пришлось далеко. На извозчика денег не было.

«Ну и жизнь, - думал Вася. - Ни трамваев, ни троллейбусов. Не говоря уж о метро!»

Порой Вася узнавал улицы. Они были непривычно тихими, пустынными. Без машин и светофоров. Но всё же какими-то родными, ленинградскими.

Наконец добрались до четырёхэтажного дома в мощённом булыжником переулке.

- Вот здесь купец с сыном живут. Собственный дом.

- Чего ж они в четырёх этажах делают? - удивился Вася.

- В одном, верно, спят, в другом - едят, в третьем - прохлаждаются.

- А в четвёртом?

- В четвёртом не иначе как продукты держат. Ведь сколько едят! Ужас!

Они постояли перед домом. Потом Минька сказал:

- С парадного не пойдём. Ещё по шеям надают. Пойдём со двора.

Во дворе их встретил дворник с большой медной бляхой на белом фартуке.

На Миньку покосился, а у Васи спросил:

- Чего изволите-с?

- Нам Купецкого сына повидать надо, - сказал Минька солидно, а чтобы дворник не прогнал, добавил, показывая на Васю: - Вот их благородию.

- Пожалуйте с парадного-с, - поклонился дворник.

- Вели, чтоб открыли, - бросил Минька через плечо и, степенно выходя на улицу, шепнул Васе: - Я с Купеческим сыном разговор заведу, а ты поддакивай. Его раззадорить надо.

Купеческий сын сидел в большой комнате, на огромном стуле, возле огромного стола. И сам он был огромным, как хорошо откормленная огромная свинья.

- Здравствуйте, - сказал Минька. - У нас к вам дело.

- Купить, продать, поменять, заложить? - спросил Купеческий сын.

- Вот он говорит, что вы силач, - сказал Минька, кивая на Васю.

- Силач, - согласился Купеческий сын.

- А я говорю, что нет, - дерзко сказал Минька.

- То есть как это нет? - обиделся Купеческий сын.

- А вот так. Вот, например, сможете вы кочергу согнуть?

- Смогу.

Минька взял кочергу, повертел в руках.

- Нет, не сможете.

- А ну дай сюда!

Минька дал Купеческому сыну кочергу. Тот связал её в узел и бросил на стол.

- Видал?

- Подумаешь, - почти пропел Минька и незаметно подмигнул Васе. - А вот простого пятака пополам вам ни за что не разломить!

- Мне? Не разломить? Пятака? - рассердился Купеческий сын.

- Вася, дай ему пятак, - быстро сказал Минька.

Вася достал свою монету из кармана и молча протянул Купеческому сыну.

Мальчики, взявшись за руки и затаив дыхание, следили, как мнут монету огромные жирные пальцы. Она то совсем тонула в них, то появлялся её сверкающий край.

Сначала Купеческий сын пробовал поломать её одной рукой. Монета не поддавалась. Тогда он ухватил её пальцами обеих рук и начал давить. Лицо его побагровело от напряжения. Монета не поддавалась.

Купеческий сын шлёпнул ею о стол. Вытер краем скатерти пот со лба и шумно передохнул.

- Надо подкрепиться, - сказал он и крикнул:- Эй, кто там! Каши!

И тотчас две девушки-прислуги поставили перед ним огромный котёл с кашей, целый каравай хлеба и поварёшку.

Вася с Минькой и переглянуться удивлённо не успели, как котёл оказался

пустым, а Купеческий сын уже облизывал поварёшку, стряхивал со скатерти хлебные крошки и отправлял себе в рот.

- Сейчас я её поломаю, - сказал он и взял со стола монету.

Надулся Купеческий сын, закричал, запыхтел, чуть не надорвался, а так ничего и не смог поделаться с монетой. Даже не согнул.

- Что она у вас, заколдованная? - рассердился он. - Я одной рукой десять пудов подымаю. Я за копейку одним щелчком человека могу убить! Я пол-аршина сукна в аршин вытягиваю! А тут пятака не сломать! Да вы кто такие? А может, вы воры? Может, вы этот пятак у меня украли! Крепче моих денег ни у кого не сыщешь! Значит, и этот пятак - мой.

- И вовсе он не ваш, - сказал Вася. - Это мой пятак. Отдайте.

- Ишь какой быстрый! У купца денежку хочет отнять!

- Отдайте! - настойчиво повторил Вася.

- Эй, кто там! - крикнул Купеческий сын. - Зовите городского.

- Ну его! - сердито шепнул Минька. - Пойдём отсюда. А то и верно городской придёт, ф-фараон!

- Не пойду, - сказал Вася. - Моя монета, и я без неё не уйду!

В дверях появился Городовой. Краснолицый, сивоусый, в чёрной шинели, с шашкой на боку.

- Ага, ага, - обрадовался Купеческий сын. - Вот он, заступничек наш, вот он, его благородие господин Городовой пожаловал!

- Чего случилось, господин Купецкий сын? - спросил Городовой густым голосом и вытер пышные сивые усы.

- А вот эти два маленьких вора хотели мой пятак украсть, - сказал Купеческий сын ехидно.

- Врёт он! - крикнул Минька. - Мы ему пятак дали, разломить. А он не смог. Вот и злится и пятак не отдаёт!

- Слышали, господин Городовой! Чтобы я не мог пятака разломить!

- Да это ж курам на смех, - сказал Городовой и засмеялся.

- Хватайте их, - промурлыкал Купеческий сын. - Проучите их. Чтобы в

другой раз не крали у честных людей пятаки!

- Да врёт он всё! - крикнул Минька.

- Я те дам «врёт», - гаркнул Городовой и стукнул Миньку по затылку.

Тут Вася не выдержал: за что Городовой ударил Миньку?

Вспомнил Вася, как однажды какой-то прохожий толкнул его приятеля Вову. Так того прохожего в милицию повели! В два счёта! Нельзя людей обижать! А тем более маленьких!

- И не стыдно? - сказал Вася, строго глядя на Городового. - Ведь взрослый человек, а мальчика ни за что ударили!

Городовой так удивился, что даже посинел.

- Отведём вас куда надо, будете знать, как драться! - запальчиво крикнул Вася.

Городовой часто-часто заморгал. Потом вытянулся и гаркнул:

- Рад стараться! - Но сообразил, что перед ним всего-навсего мальчишка, и из синего стал лиловым: - Эт-то что такое!

- Ага! - обрадовался Купеческий сын. - Хватайте их, они воры, разбойники! Пятак мой украли!

- Давайте сюда пятак, - сказал Городовой. - Как вещественное доказательство.

Купеческий сын отдал ему пятак, порылся в кармане и достал оттуда серебряный рубль.

- А это вам за беспокойство, - сказал он. - И поостроже с ними, с разбойниками!

- Рад стараться! - гаркнул Городовой, пряча рубль, и спросил: - Которого хватать?

- Обоих.

- Рубля мало... - сказал Городовой.

- Тогда хватай этого, - Купеческий сын ткнул пальцем в Васю, - пятак у него был.

Схватил Городовой Васю и повёл в полицейскую часть.

А Купеческий сын вдруг почувствовал голод и крикнул:

- Эй, кто там! Тащите мне каши!

Глава седьмая. Полицейский пристав бьёт мух, а Васю сажают в холодную

Привёл, ваше благородие, вора, - сказал Городовой, - Он у Купецкого сына пятак украл. Вот этот, - и Городовой положил пятак на стол перед полицейским приставом. Пристав молча взял мухобойку и - бац! - убил муху на краю стола.

- Семьдесят первая, - объявил он и повернулся к Васе: - Значит, украл?

- Это неправда, - сказал Вася. - Я ему дал сломать.

- Зачем?

- Просто так, - ответил Вася.

- Гм... Как это так, просто так? - спросил Пристав. - Кто ж это будет просто так пятаки раздавать?

- Ещё он говорит, что Купецкий сын, ваше благородие, пятака не смог сломать!

- Ха-ха-ха, - засмеялся было Пристав, но увидел на стене муху, схватил мухобойку, на цыпочках подошёл к стене и... бац! - Семьдесят вторая. Обыскивали?

- Никак нет! - рявкнул городовой.

- Обыскать!

- Слушаюсь! - Городовой вывернул Васины карманы.

На ладонь его вывалились металлические шарики.

Пристав взял тяжёлый блестящий шарик, повертел его в пальцах - никогда не видывал такого.

- Так вот, мальчик, за кражу этого пятака, - он указал мухобойкой на Васину волшебную монету, лежавшую на столе, - я велю посадить тебя в холодную.

- Не крал я ничего, - сказал Вася.

- Всякий, если ещё не украл, то когда-нибудь непременно украдёт! Честных людей, не бывает! Любого сажай в холодную - не ошибёшься! Пристав протянул руку, зажал пальцами Васино ухо: - Признавайся, мальчик!

Больно было Васе. На глазах проступили слёзы. Он часто-часто заморгал.

Головы орла на монете дружно щёлкнули клювами: сейчас мальчишка заплачет.

Вася прикусил губу: не плакать! А шеи орлов так и вытянулись: ну же, ну, капай слезу.

Стерпел Вася боль, сдержался, взглянул Приставу прямо в глаза:

- Это не я у Купеческого сына, а он у меня хотел украсть пяточок! Я ему дал, чтобы он разломил.

Пристав отпустил Васино ухо и сказал хвастливо:

- Когда-то и я ломал пятаки!

- Так точно! - рявкнул Городовой. Пристав взял пятак, положил его на край стола и нажал. Пятак даже не погнулся. Пристав нажал изо всех сил. Безрезультатно.

- Пятак фальшивый! - сказал он. - Получается, что ты или украл его, или сделал фальшивую монету. Сейчас мы составим протокол! Как твоя фамилия?

- Сомов Вася.

Пристав внимательно посмотрел на Васю, и неожиданно губы его разползлись в улыбке:

- Уж не генерала ли Сомова сынок?

Васе даже стало смешно. Взять да и сказать, что этого самого генерала сынок. Вот переполох поднимется! «Ваше благородие», видать, боится генерала! А ещё кричит, других пугает!

- Мой папа никакой не генерал! - отчётливо сказал Вася. - Мой папа - знатный токарь на тракторном заводе!

- Гмм... Такого завода нет!

- Будет, - сказал Вася. Пристав нахмурился.

- Объявляю пятак фальшивым и украденным! - сказал он. - В холодную мальчишку!

Городовой схватил Васю за шиворот и поволок его по коридору. Открыл скрипучую дверь, впихнул Васю в полутёмный подвал, а сам вернулся к Приставу.

- Тебе что, Филимоныч?

Городовой потоптался на месте.

- Виноват, ваше благородие. Зачем-то шёл, да запамятовал. Дозвольте идти?

- Иди, Филимоныч. Городовой ушёл.

А пристав уставился на металлические шарики и медный пятак, лежащие перед ним на столе.

«Откуда всё это здесь очутилось?»

Он посидел немного, потом смахнул ладонью в ящик стола и шарики, и монету. Увидел на стене муху и схватил мухобойку.

И городовой, и пристав про Васю забыли. Ведь он был из будущего, а помнить можно только прошлое.

Один Минька не забывал Васю, потому что знал тайну медной монеты и очень хотел Васе помочь. Он сидел на каменной тумбе против полицейского участка и думал, как бы выручить товарища.

Глава восьмая. Головы орла не теряют надежды, а Вася надувает городских

В темноте ящика орлиные головы замотались на тонких шеях.

- Мальчишку в холодную повели. Ему там, наверно, страшно. Он там, наверно, плачет. А мы здесь, - сказала сипло левая.

- Так-то оно так, да не совсем, - прохрипела правая. - А может, он и не плачет. Или плачет, да не пустыми слезами.

- Помолчи, - сердито сказала левая.- Вечно ты во всём сомневаешься! Надо выбираться из этого ящика. Надо - к мальчишке...

- Так-то оно так... - начала было правая, но левая клюнула её, и они замолчали.

Монета подкатилась тихонько к углу ящика, и головы увидели щель. Щель была узкой.

- Надо пролезть, - сипнула левая.

- Так-то оно так... - начала было правая, но левая снова клюнула её.

Они поставили монету на ребро, сунули её в щель и свалились на пол.

Пристав услышал, как что-то брякнуло, заглянул под стол, но ничего там не увидел. Монета уже откатилась к двери.

Тем временем Вася сидел на голых дощатых нарах.

Что же дальше будет? Может, Минька догадается, что его посадили в холодную, и как-нибудь выручит? А если не догадается? Или не сможет выручить? Так и придётся сидеть в этой холодной?

Жутко Васе стало. Он съёжился совсем в комочек и заплакал. Теперь уж что! Теперь плакать можно, монеты-то нет!

А монета лежала по ту сторону обитой железом двери. Головы орла слышали, как всхлипывает Вася, и сами чуть не плакали от досады. Бились головами об обитую железом дверь и зло скрипели клювами.

Звякнул засов. Дверь отворилась, вошли двое городских.

- А это что за гусь? - спросил один городской.

Второй взглянул на бумаги, которые держал в руках, пожал плечами.

- По списку не числится.

«Надо их перехитрить», - подумал Вася, поднял голову, сдвинул брови, посмотрел грозно на городских да как крикнет:

- Что значит гусь? Кто тут гусь? Я - гусь? А я вот вовсе не гусь! Я - октябрёнок! Понятно? Ок-тя-брё-нок! - отчётливо повторил он.

Городовые растерянно заморгали глазами. Ведь они не знали, что такое октябрёнок.

И подумали, что это, должно быть, какое-нибудь важное, сердитое начальство.

А Вася неожиданно вспомнил, как командуют войсками на парадах, и закричал:

- Смир-но! К торжественному маршу, поротно, первая рота прямо, остальные на-пра-во! Шагом марш!

И зашагал к двери.

Городовые только и успели испуганно вытянуться и отдать честь.

Вася переступил порог холодной и заметил на полу свою новенькую медную монету. Она, тоненько позванивая, нетерпеливо вертелась на месте. Вася нагнулся, словно бы ботинок зашнуровать, и тотчас монета прыгнула в его ладонь.

Когда Вася вышел на улицу, ветер разогнал серые тучи, и в голубом «окне» показалось яркое весеннее солнце.

Вася зажмурился.

- О-о! Вася! - крикнул неподалёку знакомый голос. И Вася увидел Миньку.

- Вася! - Минька улыбался. - А я всё хожу. Всё думаю, как бы ф-фараонов надуть!

- Я их надул, ф-фараонов, - улыбнулся Вася.

- Тогда пошли скорее к Генералу.

- К какому Генералу?

- Я узнал: у него, у того Генерала, - сила. Войска! Может, он пятак разломит?

Глава девятая. Генерал напрасно шумит

Генерал жил в особняке, на улице, мощённой тесаными камнями. Возле парадного стояли на карауле рослые солдаты. Сверкали штыки.

Минька и Вася остановились на противоположной стороне улицы.

- Эх, не пустят к генералу, - сказал Минька. - И никакой хитростью солдат не перехитрить.

- Я попробую.

Вася подошёл к парадному.

Солдаты скрестили перед ним винтовки.

- Хода нет.

- Я - сын генерала Сомова. Иду к вашему Генералу по делу, - сказал Вася важно.

Солдаты переглянулись и пропустили.

Вошёл Вася в особняк. А там народу!.. Офицеры шпорами звенят. Слуги туфлями шаркают. Женщины шёлковыми платьями шуршат.

На Васю никто и внимания не обратил.

«Надо бы спросить, который тут Генерал», - решил Вася, подошёл к одному офицеру с золотыми шнурками на груди, а как обратиться - не знает. То ли дело у нас: товарищ лейтенант, товарищ майор или товарищ маршал! А тут... Вспомнил Вася, что городской называл пристава вашим благородием.

- Здравствуйте, ваше благородие.

« Я не просто благородие. Я - высокоблагородие! - сердито сказал офицер. « Не видите разве, что я полковник!

- Извините, высокоблагородие, » сказал Вася, - погоны очень высоко. Не

разглядеть. Скажите, пожалуйста, где найти Генерала?

- Гм... А вы кто ж будете?

- Я - сын генерала Сомова.

- Его высокопревосходительство господин Генерал у себя в кабинете. Третья комната направо, пятая дверь налево! - и полковник звякнул шпорами.

Прошёл Вася одну комнату, другую, третью. Отыскал пятую дверь налево. Постучал. За дверью кто-то как зарычит:

- Р-р-ракалии, каналов!

Испугался Вася. Входить или не входить? А может, тот, кто рычит, и кусается? Да раздумывать особенно некогда, надо монету пополам разломить.

Толкнул дверь. А за дверью - пусто.

Вдруг кто-то в углу как гаркнет:

- На кар-раул! Крр-ру-гом! Ать, два! Вздогнул Вася, поглядел в угол и увидел маленького человечка в расшитом мундирчике.

- З-здравствуйте, - сказал Вася вежливо. - Я ищу его вы-со-ко-пре... пре... пре-дупредительство...

- Превосходительство, - прогремел человечек.

- Да, - согласился Вася. - Генерала.

- Я - Генерал! - гаркнул человечек.

- Вы Генерал? - удивился Вася.

- Ррракалии! Каналий! Подать мои р-ре-галии! - закричал человечек так громко, что зазвенели стеклянные висюльки на люстре.

В комнату вбежали два адъютанта и с немислимой быстротой обвешали грудь и живот человечка сверкающими крестами и звёздами.

- Я - Генерал, - прогремел он.

- Мне очень надо разломить вот этот пяточок! - сказал Вася и достал из кармана монету. Орел на ней так и задёргался, так и потянулся к генеральскому мундиру, потому что на пуговицах и звёздах тоже были двуглавые орлы.

- Кто вы такой, сударь, что обращаетесь ко мне с просьбой! - сердито прорычал Генерал.

- Я - сын генерала Сомова. Папа просил непременно разломить. Он сказал, что у вас - сила. Войска.

- И у него войска, - сказал Генерал.

- У вас... больше, у вас - сильнее.

- Так ваш папа и сказал?

- Так и сказал.

Генерал выпятил грудь и прозвенел крестами и звёздами.

- Хорошо. Я исполню его просьбу. Эй! Рракалии, каналий! - закричал он, и стёкла на окнах задребезжали. - Позвать сюда моих самых сильных солдат!

Вошли в комнату два здоровенных солдата.

- Слушать пр-риказ! - гаркнул Генерал. - Р-р-разломить пятак пополам!

- Рады стараться, ваш-сог-дит-ство! - прокричали в ответ солдаты.

Взяли они у Васи пятак, ухватились каждый за свой край и давай ломать!

Вася даже глаза зажмурил! Этакая у солдат силища!

А солдаты бледнели, краснели, жилы на их шеях вздулись.

- Сломали? - спросил Генерал.

- Никак нет, ваш-сог-дит-ство! Пятак не ломается!

Рассердился Генерал, соскочил со стула, затопал ножками, зазвенел крестами и звёздами!

- Кр-ру-гом! В Сибирь, на катор-р-ргу, шагом марш!

- За что ж вы их на каторгу? - спросил Вася. - Может, этот пяточок волшебный?

- Ах вот как? Волшебный? Значит, ты это нарочно подстроил, чтобы меня опозорить? - закричал Генерал. - Ах ты такой-сякой, немазанный! Да как ты смеешь! Меня, царского Генерала, позорить! Да я тебя упеку!

Вася схватил монету, сунул её в карман и - к двери. Мимо окаменевших от генеральского крика офицеров. Мимо штатских, с выпученными от страха глазами. Мимо падающих в обмороки женщин.

Выбежал Вася на улицу, схватил Миньку за руку и - в ближайший переулок.

Там, почувствовав себя в безопасности, он рассказал Миньке про Генерала и про свою неудачу.

Минька подумал немного, покачал головой и сказал шёпотом:

- Надо к царю пробираться. Он - надо всеми. У него - вся сила.

Глава десятая. Вася и Минька встречаются с царём

Царский Зимний дворец стоял на том же месте, где и теперь стоит. Одной стороной - на Дворцовую площадь, другой - на реку Неву. Только улицы возле него были вымощены деревянными шестиугольниками - торцами.

- Вход с набережной - сказал Вася. Это точно знаю. У нас там касса. Музей.

- Музей?..

- Ну, где картины всякие, статуи, мумии, оружие. Я здесь одну саблю видел. Во сабелька! На клинке узоры золотые, а сама серебряная.

- Как это ты мог здесь сабельку видеть? - усомнился Минька. - Здесь - дворец. Здесь сам царь живёт!

- А у нас здесь музей, «Эрмитаж» называется. И всех пускают. Иди смотри.

- А царь где ж?

- Нету царя. Прогнали. И Генерала прогнали, и купца твоего, - громко сказал Вася.

- Тс-с... - зашипел Минька и покосился на постового Городового. - За такие слова опять в холодную посадят. Лучше давай думать, как во дворец пробраться. Туда, слышь, ни живой души не пускают.

Думали они, думали, так ничего и не придумали. А между прочим, уже постовой Городовой начал на них коситься.

Вдруг слышат - цок-цок, цок-цок - по деревянной мостовой трусит пара лошадей с мохнатыми ногами, тянет крытый фургон. А на фургоне нарисованы

всякие овощи. А над овощами надпись:

«Зеленные товары и торговля заморскими фруктами. Кучкань и Ко. Поставщикъ двора».

- А что это: «поставщик двора»? - спросил Вася.

- Значит, самому царю на двор поставляет.

- Самому царю? - переспросил Вася и предложил: - Давай заберёмся в овощной фургон. И проедем мимо стражи прямо во дворец. А там уж поищем царя!

- Давай, - обрадовался Минька.

Они догнали фургон и, подтянувшись на руках, перелезли через задний борт.

В фургоне навалом лежали большие хрустящие кочаны капусты.

Когда фургон остановился у дворцовых ворот, Вася и Минька притаились. В фургон заглянул сторожевой солдат, но принял мальчишечьи головы за кочаны капусты.

Потом фургон затрясло, и вскоре он снова остановился.

Вася осторожно выглянул наружу. Во дворе никого не было.

- Слезай, - шепнул он Миньке. - Приехали.

Тут появились кухонные мужики. Стали фургон разгружать: капусту в мешки складывать и во дворец заносить.

- Берём мешок, - шепнул Вася.

Ухватились они за мешок с двух сторон. Поднатужились. Еле подняли. Понесли. Куда другие несут - туда и они. В дверь вошли. По лестнице поднялись. Коридором протащили из последних сил.

Наконец оказались в полутёмной комнате - кладовой.

- Это что за грузчики-подносчики? - сказал сердито мужик в фартуке. - А ну, брысь отсюда!

Выскочили Вася и Минька за дверь в коридор. Еле дышат.

Почесал Минька затылок:

- А дальше куда?

- Идём! - решительно сказал Вася. И они пошли по коридору.

Долго шли. Коридоры в царских дворцах длинные, путаные. Чтобы чужой человек заблудился, до царя не дошёл.

Одна дверь открыта. Заглянули - никого.

А на деревянной вешалке висят белые фартуки да белые колпаки.

- Надевай, - сказал Вася. - А то ты своими штанами царя напугать можешь.

Быстро надели фартуки и колпаки, поглядели друг на друга.

- Обыкновенные поварята! Пошли дальше.

Ещё одна дверь открыта. Заглянули - стоит возле печи старый повар.

- За кренделем пришли?

- За кренделем, - кивнул Минька. Кто ж от кренделя откажется.

- Берите, да не уроните!

А на столе стоит сверкающий поднос в два метра шириной, а на подносе - двуглавый орёл - крендель с розовой корочкой, весь рябенький от изюма.

Взялись Вася и Минька за поднос, подняли и понесли по коридору.

- И во сне не видал таких кренделей! - воскликнул Минька. - Может, куснём?

- Некогда, Минька. Настоящие поварята за кренделем могут явиться. Сразу хватятся. А с этим кренделем мы к самому царю попадём.

Тут и коридор кончился, упёрся в большую тяжёлую дверь с медными львами на ручках.

Толкнули они дверь посильнее. Открылась она, а за дверью - стража в зелёных мундирах.

- Кто такие? По какому делу?

- Крендель лично царю несём! - храбро ответил Вася.

- Проходите! - сказал стражник и крикнул кому-то в другой конец комнаты: - Крендель его величеству государю императору!

Прошли Вася и Минька с подносом через комнату, а уж другие стражники в синих мундирах дверь перед ними открыли, и снова один крикнул:

- Крендель его величеству государю императору!

А потом через третью прошли, через четвёртую, и повсюду стражники стояли. Только цвет мундиров менялся.

- Ишь как царь людей боится! - сказал Вася тихонько. - Кругом столько стражи понаставил!

- Крендель его величеству государю императору! - прокричал стражник в чёрном мундире.

Открылась перед мальчишками ещё одна позолоченная дверь, и они услышали:

- Крендель - это хорошо! Крендель - это я люблю! Давайте сюда крендель. На стол его! Под нож! Сейчас я его зарежу!

Вася и Минька поставили поднос с кренделем на стол и увидели человека в военном мундире с золотыми погонами на плечах. Волосы у него были прилизаны на пробор. Аккуратная бородка и усики блестели, будто жиром намазанные.

Схватил человек в военном мундире нож и занёс его над кренделем.

- Стойте! - крикнул Вася громко. Человек в мундире даже испугался и съёжился.

- Стойте! - повторил Вася. - Этот крендель для самого царя.

- Так я и есть сам царь!

- У царя корона на голове, - возразил Вася.

- Что ж, я все время должен корону на голове таскать? - сердито спросил царь.

- У царя сила должна быть.

- Моя царская сила не в руках, а в слугах. Что прикажу - то и сделают! Прикажу - казнят, прикажу-помилуют!

- А можете приказать пятак разломить? - спросил Минька. Хоть и страшно ему было перед царём стоять. Кто его знает, этого царя? Ещё надаёт по шее! А всё же помнил, зачем к царю шли. Чтоб Васю выручить!

Нахмурил царь брови:

- Какой такой пятак?

- Обыкновенный, - сказал Вася и достал монету из кармана.

А монета, словно её бешеная собака укусила, так и рвётся из пальцев в сторону большого кресла, обитого красным бархатом. А на спинке того кресла - двуглавый орёл вырезан из дерева.

Понял Вася, что это те самые головы, которые царю царские мысли на- шёптывают.

Прижал Вася монету к ладони покрепче.

- Мы у Купеческого сына были. Здоровенный такой, а разломить не смог. Пристав ломал - не сломал. Ваш царский Генерал приказал солдатам разломить пятак - не смогли. Вот к вам пришли.

Хмыкнул царь, уселся в кресло с орлом и спросил:

- А кто вы такие? Как сюда прошли? И что это за крендель?

Минька побледнел: всё, пропали их головы, раз царь стал допрашивать. А Вася сказал:

- Крендель этот настоящий, так что можете его есть спокойно. Прошли мы сюда через двери. Его вот зовут Минька, а меня - Вася Сомов. Я - ученик вто- рого «А» класса.

Видит Минька: царь ещё больше нахмурился. Подумал: как бы его утихо- мирить? Что бы такое в разговор вернуть?

- Вы не сумлевайтесь, ваше величество. У нас всё по-честному, без обману. Он вот, Вася, может вам рассказать, как оно всё будет через шестьдесят лет, где что построят и какие крендели печь будут.

- А не врешь? - спросил царь. - Я ведь не люблю, когда другие врут.

- Святой истинный крест! - перекрестился Минька.

- Ну-ну, - сказал царь торопливо. - Давай, давай. Рассказывай.

- Э-э, нет, ваше величество, - сказал Минька. - Надо, чтоб всё по-честному, из рук в руки. Сперва пятак разломайте!

- Это нам просто! Сейчас прикажем силачам, - сказал царь и взял у Васи трепещущую монету.

Тут одна деревянная орлиная голова на троне наклонилась к царю и за-

шептала ему в самое ухо:

- Ваше императорское величество, никак нельзя силачей звать. Никак нельзя монету ломать.

- Почему?

- А потому, что на ней - я, ваше величество. Великий Двуглавый Орёл, герб вашего величества. А кто хочет этот герб вашего величества поломать, ваше величество, тот смутьян, социалист и бунтовщик!

- Ах вот как! - воскликнул царь. - Провокация! - Он посмотрел внимательно на пяточок. - Значит, вы посягнули на моего двуглавого орла! - Хлопнул царь в ладоши, вбежали стражники. - Схватить их и заковать в крепкие цепи! Нет на свете такой силы, чтобы моего двуглавого орла сломала!

Головы деревянного орла на кресле закивали, а стражники шагнули к Васе и Миньке.

- Стойте! - крикнул Вася и обнял Миньку за плечи. - Стойте! Не схватите вы меня и не закуёте! Потому что я вас не боюсь! Я - из будущего, Минька-со мной. А вы все - прошлое! И ничего вы нам не сделаете! А сила, которая вашего орла ломает, есть!

И царь, и царская стража так и замерли с открытыми ртами. Никогда ещё никто здесь так не разговаривал.

Вдруг в открытой форточке появилась седая ворона.

Громко хлопая крыльями, она подлетела к царю, каркнула, выхватила у него из пальцев блестящий Васин пяточок и вылетела.

У царя от страха нижняя челюсть отвисла.

- Спасибо, ворона! - крикнул Вася и обернулся к царю: - Вы хотели знать, что будет через шестьдесят лет? Жаль, долго рассказывать, некогда. Жизнь будет. Для простого народа. А не для вас, ваших генералов да купцов. Скоро вашего орла разломают на мелкие кусочки!

Повернулся Вася и вышел вместе с Минькой.

Хотел было царь послать за дерзкими мальчишками погоню, да тотчас забыл про них и принялся как ни в чём ни бывало выковыривать изюм из крен-

деля.

И стража забыла.

Ведь Вася был из будущего, а помнить можно только прошлое.

Глава одиннадцатая. На волшебную монету падает третья Васина слеза

Так и вернулись Вася и Минька из царского дворца не солоно хлебавши.

Уселись опять на поленнице, где Васин восьмиэтажный дом будет стоять.

Сидят, вздыхают.

Жалко Миньке Васю. Уж солнышко садится, а монета ещё не разломана.

Да и нет её. Ворона унесла. А куда - неизвестно.

- Ворона монету принесёт, - угадав Минькины грустные мысли, сказал Вася.

Хотел Минька возразить: мол, ищи ветра в поле, да прикусил язык, чтобы товарища зря не расстраивать. И так ему худо!

Тут захлопали рядышком крылья, и прямо на Васино плечо села седая ворона. В клюве монету держит.

- А я что говорил! - крикнул Вася, и лицо его просветлело. - Ворона не подведёт!

А ворона весело захлопала крыльями, сделала над ребятами круг и улетила.

- Ну и ворона. Вот так ворона! Никогда таких ворон не видал! - сказал Минька.

А Вася внимательно посмотрел на лежащую на ладони монету. Головы орла шурились на заходящее солнце.

- Как же нам её разломать? Минька ничего не успел ответить.

- Минька, Минька!..

- Мамка кличет. Погоди немного, - Минька кивнул и исчез за поленницей.

Вася присел на дрова и стал следить, как угасает день. Как один край неба всё густеет и густеет, становится тёмным. А другой, где закатывается солнце, разгорается ало, будто там пожар, и лёгкие перистые облака над тем местом, как подкрашенный пламенем дым.

Запахло дымком, - верно, в какой-то избе затопили печь. Кругом стало тихо-тихо. Даже редкие птичьи голоса умолкли. Даже листва на берёзках перестала шептаться. А Минька всё не шёл.

И Вася так остро почувствовал одиночество, ему стало так жутко, что он, ударяясь коленками об острые края дров, торопливо перебрался через поленницу и побежал к Минькиному дому.

Навстречу из скрипучей калитки вышел Минька, лицо озабочено.

- Вася, - сказал он шёпотом. - у дяди Вани - товарищи. Стачечный комитет. Посторожить велели. А то ф-фараоны нагрянут - всех в тюрьму.

- А кто это дядя Ваня?

- Угловой жилец. Угол у нас снимает. Мы у хозяина - комнату, а дядя Ваня у нас - угол, - и добавил шёпотом: - Он большевик.

- Большевик? - обрадовался Вася. - Мой дедушка был большевиком. Большевики - это коммунисты.

В этот момент, приглушённый стенами избы, до них донёсся уверенный голос:

- Мы не можем отступить ни на шаг. Мы должны день за днём, час за часом готовиться к великому дню, когда разгневанный народ свергнет царское самодержавие, разобьёт ненавистного двуглавого орла и подымет над свободной Россией свое красное знамя!

Минька схватил Васю за руку:

- Пойдём на дрова. Не надо на виду торчать.

Они забрались на поленницу. Минька стал наблюдать за пустынной улицей.

- Слышал, как он сказал: народ разобьёт ненавистного двуглавого орла!.. - с жаром сказал Вася. - И так будет, Минька! Так будет! Будет Великая Ок-

тябрьская социалистическая революция!

И только сейчас он по-настоящему понял эти слова: «Великая Октябрьская социалистическая революция!»

Это значит - построят прекрасное Автово, в котором он живёт. И станут учить детей в новеньких школах. Это значит - обуют и оденут Миньку, и никто не посмеет его обидеть. В царском дворце откроют музей. Папа станет знатным токарем на тракторном заводе. Великая Октябрьская социалистическая революция - это то самое будущее, в котором он, Вася, жил.

И сделают революцию вот эти самые рабочие, которые собрались сейчас в Минькином доме у дяди Вани. Простые люди.

Сердце Васи забилось часто-часто от волнения, от гордости за этих людей, от благодарности к ним.

Ну что ж, если никто не может разломать злосчастную монету пополам и ему, Васе, суждено остаться здесь, в этом времени, он знает, что ему надо делать! Он будет помогать этим людям готовить революцию. А в 1917 году, через десять лет, они с Минькой не пропустят ни взятия Зимнего дворца, ни караула в Смольном, ни выступления Владимира Ильича Ленина на съезде Советов. И, может быть, даже удастся попасть потом в Чапаевскую дивизию, драться с белыми и предупредить Чапаева, что на его штаб нападут ночью. И Чапаев останется жив.

На глазах Васи выступили слёзы.

Вася совсем забыл про монету, которая лежала у него на ладони двуглавым орлом вверх.

А слёзы выкатились на щёки, потекли по ним и...

Шлёп...

Одна слеза упала на монету.

Вася побледнел. Вот теперь он останется в этом времени навсегда.

- Минька, - сказал он.

- Что?

- Я, кажется, - Вася хотел сказать «останусь здесь навсегда», но взглянул на монету и замер: головы орла словно корчились в алом свете заходящего солнца. Монета тускнела на глазах. Зеленела. Становилась всё тоньше и тоньше. Слеза словно обожгла её. Ведь жаркие слёзы гордости не пустые слёзы.

- Минька! Смотри! - шепнул Вася. Минька повернулся к нему.

- Спасибо тебе за всё, Минька. Я сейчас, наверно, смогу разломать монету. Смотри!

Вася захватил монету пальцами обеих рук. Нажал легонько. Монета хрустнула...

Глава двенадцатая. Вася вернулся, а тайна осталась

Вася открыл глаза и позвал:

- Минька!

Но Миньки не было. И поленницы не было. И солнце ярко светило за окном.

- Вася, ты начал делать уроки?

- Бабушка! - закричал Вася. - Урра!

И посмотрел на свои руки. В пальцах были зажаты половинки старого позеленевшего царского пятака. Монета разломилась так, что одна голова орла оказалась на одной половинке, а другая - на другой.

«Наверное, мне всё приснилось, - подумал Вася. - Наверное, я всё-таки задремал после манной каши. А монету нетрудно было сломать и сонному. Вон она какая гнилая».

Вася сунул руку в карман. Карман был пуст.

Где же шарики?

- Бабушка! - крикнул он. - Ты мои шарики не брала?

- Нет! Делай уроки.

- Сейчас! - ответил Вася.

Тут на окно села старая седая ворона.

- Здравствуй, Яшка, - сказал Вася. - Это была ты или не ты?

Яшка склонила голову набок, и весёлые искорки промелькнули в её глазах.

А может быть, это только показалось Васе.

Тут бабушка вошла в комнату. Вася обнял её, чмокнул в щёку и спросил:

- Скажи, пожалуйста, когда ты была маленькой, у тебя не было друга,
которого звали Минькой?

- Минькой, Минькой, - несколько раз повторила бабушка. - Не помню. А тебе на что?

- Так... - вздохнул Вася и выглянул в окно.

Во дворе ребята играли в прятки. Шепталась листва тополей. Пели птицы.

Яшка поцарапала клювом по подоконнику и улетела.

Вася готов дать самое честное октябрятское, что ворона вывела клювом:
«Тайна».

Вася помахал вороне рукой:

- Будь спокойна, Яшка!

Вот и вся сказка про октябрёнка Васю Сомова и двуглавого орла.

Было это или не было - никто не знает точно.

Только металлических шариков от подшипников Вася до сих пор найти не может. Вот так.